

Примечание автора: Это художественное произведение. Все персонажи, вовлеченные в сексуальные действия, старше восемнадцати лет. Как всегда, не ждите реализма, и вы не будете разочарованы, когда не найдете его! Наслаждайтесь!

Проезжая по знакомому пригородному району, я чувствовал себя хорошо. Действительно хорошо. Даже взволнованно. Если я и усвоил что-то наверняка за первый год учебы в колледже, когда я впервые оказался один вдали от дома, так это то, что ничто не сравнится с тем, что я имел здесь.

Это был довольно хороший год, если не считать частых моментов мучительного одиночества и некоторых проблем с бессонницей. Мои оценки были хорошими, я установил достаточно приличные отношения со своими соседями по комнате, научился справляться с едой, стиркой и другими "взрослыми" вещами. Я даже наслаждался спорными ощущениями от того, что я свободный девятнадцатилетний парень, который за несколько месяцев до этого каким-то образом умудрился потерять девственность с девушкой на три года старше, которая, скорее всего, уже не помнила моего лица, не говоря уже о моем имени. Меня это вполне устраивает. Если бы я мог, я бы тоже с радостью забыл о ней, но я проклят очень хорошей памятью.

Мы "встречались" пару ночей после того, как переспали, Элли и я, достаточно долго, чтобы я мог приемлемо познакомиться с женским телом. Затем она прервала это с усмешкой и чмокнула меня в нос, сказав мне вернуться к моей настоящей девушке и сделать из нее женщину. Я просто кивнул и поблагодарил ее. Она рассмеялась над этим, сказав мне, что я забавный. Хотя я был на самом деле серьезен. Немного смущенный и более чем немного виноватый, но серьезный.

В прощальной улыбке Элли была какая-то озорная гордость, и это было справедливо, поскольку она научила меня, сексуально невежественного первокурсника, как сносно понравиться женщине. С заинтригованным терпением Элли провела мне ускоренный курс о том, как стимулировать эрогенные зоны девушки, как найти ее точку G (или, по крайней мере, искать ее), как лизать киску, как трахаться в некоторых позах и, по сути, как не быть настолько невежественным в сексе.

Ссылка на мою "настоящую девушку" была способом Элли дать мне понять, что она прекрасно знает, что я уже с кем-то встречался. Что ж, неудивительно. Мои частые текстовые сообщения и моя внезапная потребность бросить все и пойти на мой таинственный видеочат каждую ночь были очевидным свидетельством того, что в моей жизни был кто-то еще. Кто-то постоянный и важный для меня.

И, конечно же, так оно и было. Она предположила, что это была моя девушка. Но... это была моя младшая сестра Дейдра. Моя Диди.

Мы с Диди еще учились в средней школе, когда наш отец погиб, сбитый пьяным сукиным сыном. Это было катастрофично. Так неожиданно, абсурдно и несправедливо. Мама никогда не была прежней после смерти папы. Она с головой ушла в свою работу врача, беря на себя все больше и больше ответственности в клинике. Она делала все возможное, чтобы выглядеть храброй с нами, детьми, но ее горе всегда было под поверхностью, ее прежняя непосредственная жизнерадостность умерла и ушла вместе с любовью всей ее жизни.

Тогда мы с Диди все еще делили спальню. В течение довольно долгого времени моей младшей сестре снились самые ужасные кошмары, настолько ужасные, что она просыпалась посреди ночи в слезах, отчаянно рыдая в подушку. У меня самого были проблемы со сном после смерти папы, поэтому я слышал, как Диди плачет во сне почти каждую ночь. В других случаях я просыпался от безутешного звука ее вздохов. Я всегда содрогался от ужаса, слыша это. Знать, что Диди была такой грустной в темноте, было невыносимо для меня. Ее боль, казалось, причиняла мне боль даже больше, чем моя собственная.

Оглядываясь назад, я думаю, что она чувствовала себя виноватой, потому что она немного поссорилась с отцом в день его смерти. Это было что-то совершенно банальное в ее домашнем задании, какая-то абсурдная вещь, из-за которой только ребенок мог чувствовать себя виноватым в такой ситуации. Но тогда я тоже был ребенком. У меня не было всех умных ответов, которые у меня есть сейчас. Я не мог объяснить ее горе, чтобы заставить ее чувствовать себя лучше, но я отчаянно хотел сделать все, что мог, чтобы помочь моей маленькой сестренке. Я думаю, это логично, что я должен был поступить так, как поступил, чтобы помочь Диди преодолеть ее ночные кошмары. Правда в том, что я просто сделал единственное, о чем мог думать.

Папа был профессиональным писателем. С раннего возраста он прививал мне и Диди благоговейное восхищение написанным словом, учил нас ценить тонкую магию, скрытую за чернильным знаком на листе бумаги. Будучи ребенком, столкнувшись с тем, что казалось неразрешимой головоломкой, я инстинктивно обратился к этой самой магии.

Каждый раз, когда я слышал, как Диди плачет по ночам, я вставал и шел к ее кровати. Я включал ее прикроватную лампу, садился рядом с ней и нежно вытирал ее слезы рукавом своей пижамы. Затем я брал любую книгу, которая лежала на ее тумбочке, и начинал ее читать. По мере того, как я читал, я слышал, как она все реже и реже всхлипывала, постепенно успокаиваясь, остатки ее плохих снов постепенно исчезали, когда мои слова доходили до нее. Я просто продолжал читать ей, чувствуя себя очень большим братом, пока дыхание Диди не становилось глубоким и ровным, и пока она, наконец, не засыпала. Я всегда чувствовал себя лучше к тому времени, когда выключал свет у Диди и забирался обратно в свою кровать. Слушая ровное дыхание моей сестры в другом конце комнаты, мое собственное беспокойство постепенно улетучивалось, пока я тоже не засыпал крепким сном.

В течение многих лет, даже после того, как мы переехали в наш нынешний дом и у каждого из нас была своя собственная спальня, мы с Диди проводили каждую ночь вместе, отдыхая в моей комнате перед сном. Мы смотрели телевизор или слушали музыку и разговаривали, но в основном мы читали. Либо я читал ей вслух, либо моя любимая Диди читала, пока я слушал ее чистый, успокаивающий голос с закрытыми глазами и улыбкой на лице. Чтение друг другу каждый вечер стало нашим самым любимым ритуалом. Мы полюбили звук голоса друг друга и тот факт, что благодаря книгам мы могли путешествовать в другие места и вместе переживать

приключения. Но больше всего нам просто нравилось быть рядом и расслабляться, наслаждаясь обществом друг друга, прежде чем пожелать спокойной ночи.

Довольно часто, особенно когда я читал ей, Диди засыпала на моей кровати, прижавшись ко мне. Обычно я осторожно брал ее на руки и относил в ее комнату, укрывая одеялом на ночь. Хотя иногда, особенно если я уставал или было поздно, я даже не беспокоился об этом. Я просто убирал книгу и тоже засыпал, мы оба довольные храпели до утра.

Мама прекрасно знала, что мы с сестрой время от времени засыпали в одной постели. Она относилась к этому нейтрально и никогда открыто не препятствовала этому, пока мы не достигли половой зрелости. И я, и Диди были сбиты с толку. Мы просто тусовались вместе по ночам, читали, и что с того, что мы иногда дремали на моей кровати. Мы действительно не видели вреда ни в чем из этого.

И все же мы не хотели злить маму. Поэтому мы покорно заставляли себя бодрствовать, пока другой читал. Обычно нам это удавалось, но не всегда. Диди в лучшем случае сопротивлялась, когда приходило время покинуть мою спальню и вернуться в свою. Она регулярно теряла сознание, когда становилось поздно и наступала моя очередь читать. В таких случаях мне было трудно сопротивляться желанию просто закрыть глаза и погрузиться в сон, пока Диди медленно вдыхала и выдыхала рядом со мной. И все же я стойко бодрствовал. Зевая, я брал маленькую фигурку моей сестры на руки и нес ее в кровать. Я слегка убирал ее волосы цвета вороньего крыла с лица, прежде чем вернуться в свою комнату, где я мгновенно засыпал, чувствуя запах Диди на своей подушке.

Только после того, как я припарковался на подъездной дорожке и вошёл в дом, мое волнение и радость начали омрачаться внезапными приступами вины. Я не был дома несколько месяцев, с Рождества. Я пропустил восемнадцатилетие Диди. И меня не было рядом с ней несколько недель после этого, когда она "вроде как поссорилась" с "парнем из школы".

Вот как она выразилась об этом, оживленно и ворчливо разговаривая во время одного из наших ежедневных видеочатов, после того как я спросил ее, почему у нее такой вид, будто она плакала. Я был готов запрыгнуть в свою машину и проехать сотни миль от моего общежития до дома этого парня, чтобы избить его до полусмерти за то, что он довел мою младшую сестру до слез, но Диди удалось отговорить меня от этого. На мои насущные вопросы она ответила, что нет, он на самом деле не был ее парнем или кем-то еще, и да, действительно, сейчас с ней все в порядке. Она говорила мне снова и снова, что это ничего не значит и я не должен беспокоиться об этом. Плохое, ноющее чувство охватило меня и держало в своих тисках в ту ночь, но я отбросил его в сторону. Что для меня было важнее всего, так это то, что с Диди все было в порядке, и, видимо, так оно и было, отчасти. Тот факт, что к концу нашего разговора она улыбалась и шутила, обнадеживал, и в последующие дни она вернулась к своему обычному жизнерадостному, задорному состоянию. И все же этого не должно было случиться. Этого бы не случилось, если бы только я был с ней.

Неприятное осознание того, что я скрыл от Диди свою короткую интрижку с Элли, тяжело

давило на меня, пока я шел по пустому дому. Мои оправдания за то, что я ничего ей не сказал, внезапно показались слабыми. Я никогда не лгал Диди, никогда. Технически, я не лгал об Элли, поскольку я вообще никогда не упоминал ее. В каком-то смысле я рассматривал все это просто как продвинутый интерактивный урок сексуального воспитания. Конечно, не то чтобы такой подход как-то успокоил мою противоречивую совесть. Я часто задавался вопросом, какого черта я вообще позволил этому случиться. Дело в том, что, как бы я на это ни смотрел, мне становилось не по себе. Я считал себя виноватым. Очень сильно. И все же я держал рот на замке. "По уважительным причинам", - подумал я.

В последний раз (единственный раз), когда у меня вроде как была девушка, еще в выпускном классе средней школы, Диди была очень ободряющей, поддерживающей и счастливой за меня. По крайней мере, на первый взгляд. Однако я знал, что что-то не так. После того, как мы с Джиной стали видеться, Диди вдруг стала бояться присоединиться ко мне во время наших ночных посиделок, находя предлоги, чтобы побыть одной в своей комнате.

Как только я вернулся домой в ночь моего первого свидания с Джиной, которое закончилось неловкими поцелуями в моей машине, я услышал, как Диди плачет в своей комнате. В ту же секунду, как до меня донеслись эти душераздирающие звуки, я почувствовал тошноту. Как я мог не предвидеть, что это произойдет? Моя младшая сестра плакала из-за меня. Внезапно меня охватил ужас от осознания того, что я причиняю боль единственному человеку, в любви которого я никогда не сомневался, которого я никогда не мог перестать любить.

Не колеблясь ни секунды, я открыл дверь в комнату Диди и прошёл через темную комнату. Она была просто хрупким, дрожащим комочком тени под простынями. Мое сердце разрывалось от осознания того, что она страдает по моей вине. Я сел на кровать рядом с ее сжавшимся телом и молча притянул ее в свои объятия. Я гладил ее по волосам, бормоча свои сбивчивые извинения со слезами на глазах, крепко прижимая ее к груди, пока она не перестала плакать и не обняла меня в ответ, мурлыкая, легко дыша и, наконец, засыпая.

На следующий день в кафетерии я порвал с Джиной. Она дала мне пощечину, плеснула в меня своей кока-колой и сказала, чтобы я возвращалась к своей чокнутой сестре-ботаничке, потому что ни одна другая девочка в школе никогда не стала бы тусоваться с придурком, который носит панк-футболки. Я пожал плечами и пошел есть рядом с Диди, схватив салфетку, которую она протягивала мне с улыбкой до ушей.

Время посиделок вернулось в ту же ночь и каждую следующую ночь, пока я не уехал в колледж.

<http://tl.rulate.ru/book/2104/58880>